

Копельник Владислава Игоревна, Евенко Елена Викторовна, Гливенкова Ольга Анатольевна,
Лябина Олеся Геннадиевна

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. И. ЗАМЯТИНА ОБ
АНГЛИИ**

В данной статье говорится о художественно-философской концепции русского писателя Е. И. Замятина. В его произведениях прочно укоренилась английская тематика, что позволяет нам понять истинные идеалы писателя. Можно увидеть взгляд со стороны русского человека, резкий и точный. Отношение к Англии у Замятина было сложное и неоднозначное, носило не только общеполитический, но и чисто национальный интерес. Изобилуют просьбы о том, чтобы прислать русскую литературу, и жалобы на одиночество.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 87-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

сочетанием реального и вымышленного миров, как это было присуще фантастической литературе прошлого. При этом первичная условность произведений А. Грея интригует читателя своей неожиданностью, свойственной для новеллы как жанра, тогда как вторичная условность имеет более глубокий, философский подтекст, затрагивая проблемы границы научного познания мира, возможности и целесообразности проникновения науки в царство природы, а также сохранения священной для автора индивидуальности человека в социокультурных тисках.

Список литературы

1. **Багно В.** Ясновидение былого и чудесного // Книга песчинок: Фантастическая проза Латинской Америки. Л.: Худож. лит., 1990. С. 5-17.
2. **Казакова Ю. К.** Традиции магического реализма в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 1. С. 98-102.
3. **Шамсутдинова Н. З.** «Магический» реализм в современной британской литературе (Анжела Картер, Салман Рушди): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 22 с.
4. **Шогенцукова Н. А.** Концепция реальности в американской прозе 19-20 веков (эволюция художественного сознания и типы поэтики): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1995. 59 с.
5. **Axelrod M.** Alasdair Gray: An Introduction, of Sorts // Review of Contemporary Fiction. Champaign: Dalkey Archive Press, 1995. Vol. 15. Issue 2. P. 103-105.
6. **Ellis J. M.** Against Deconstruction. N. Y.: Princeton University Press, 1989. 144 p.
7. **Gray A.** Every Short Story by Alasdair Gray. Edinburgh: Canongate, 2012. 944 p.
8. **Harrison W. M.** The Power of Work in the Novels of Alasdair Gray // Review of Contemporary Fiction. Champaign: Dalkey Archive Press, 1995. Vol. 15. Issue 2. P. 162-169.
9. **Miller G.** Alasdair Gray // The Dictionary of Literary Biography. Vol. 319. British and Irish Short-Story Fiction Writers, 1945-2000. U.S.A.: Thomson Gale, 2006. P. 90-98.

"MAGIC REALITY" IN THE SHORT STORIES OF ALASDAIR GRAY

Kondratov Vladimir Sergeevich

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Kondratov.aspirant@gmail.com*

In the article the short stories of the Scottish writer of the XX century Alasdair Gray in the context of magic realism are considered. The material for the analysis is works which are the part of the previously uninvestigated collection «*The Unlikely Stories, Mostly*». The author studies the indistinctness of the boundaries of real and fantastic in the artistic reality of the short stories in conditions of renunciation of traditional ideas about the possibility of entitative reality existence. As a result of the analysis the main methods of making a magic reality and its characteristic features in the short stories of the mentioned collection are revealed.

Key words and phrases: magic realism; fantasy; Scottish short story; artistic reality; Alasdair Gray.

УДК 81

Филологические науки

В данной статье говорится о художественно-философской концепции русского писателя Е. И. Замятина. В его произведениях прочно укоренилась английская тематика, что позволяет нам понять истинные идеалы писателя. Можно увидеть взгляд со стороны русского человека, резкий и точный. Отношение к Англии у Замятина было сложное и неоднозначное, носило не только общеполитический, но и чисто национальный интерес. Изобилуют просьбы о том, чтобы прислать русскую литературу, и жалобы на одиночество.

Ключевые слова и фразы: мировидение; английский образ жизни; идеально-художественная специфика; художественно-философская концепция.

Копельник Владислава Игоревна, к. филол. н., доцент

Евенко Елена Викторовна, к. филол. н.

Гливенкова Ольга Анатольевна, к. филол. н., доцент

Лябина Олеся Геннадиевна, к. филол. н., доцент

*Тамбовский государственный технический университет
kopelnik99@mail.ru*

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. И. ЗАМЯТИНА ОБ АНГЛИИ[©]**

Русского прозаика Е. И. Замятина в литературных кругах часто называли «англичанином». На фоне английской газеты «Таймс» с английской трубкой в зубах предстает писатель на знаменитом полотне Ю. Анненкова. В десятках литературных отзывов содержится указание на критику западной цивилизации в творчестве писателя, которую он вёл на протяжении всей своей жизни.

Английская тема не только прочно укоренилась в произведениях русского художника, но и стала важнейшей частью его мировидения, поэтому исследование ее позволяет понять истинные идеалы писателя, глубже уяснить смысл всего творческого пути и осознать идейно-художественную специфику даже тех произведений Е. И. Замятина, в которых, казалось бы, английская тематика отсутствует, в первую очередь, это касается его главного творения – романа «Мы».

Впервые Замятин познакомился с Западом незадолго до Первой мировой войны, будучи уже известным в России писателем, автором повестей «Уездное», «На куличках». Первая командировка за рубеж, в Берлин, была кратковременной и не произвела особенного впечатления на инженера и начинающего писателя Е. И. Замятина. Позже, в автобиографии 1928 года, он объяснил причину этого: «Берлин мне показался конденсированным, 80% Петербургом. В Англии другое: в Англии все было так же ново и странно, как когда-то в Александрии, в Иерусалиме» [4, т. 2, с. 232].

С марта 1916 по сентябрь 1917 года Е. И. Замятин жил в Англии, работая на судостроительных верфях, строил ледоколы в Глазго, Нью-Кастле, Сэндерланде, Саус-Шилдсе. Английскими реалиями были навеяны его повести «Островитяне» (1917) и «Ловец человеков» (1918), написанные во время командировки.

Современник Замятина Виктор Шкловский писал: «Приехавший из —ездной? России Замятин увидел Англию неописанной, незнакомой. Это была Англия первой мировой войны, но портрет страны у Замятина – обобщенный. Его Англия – сатирическая, пародийная, англичане ее – условны, гротескны...» [3, с. 134].

Замятин, как считали его современники, одновременно вынес свой приговор старой царской России и осудил «механически цивилизованную» жизнь буржуазной Англии. По мнению В. Шкловского, взгляд Замятина на Англию – это взгляд со стороны русского человека, резкий и точный: «Замятин умел смотреть со стороны и чуть сверху. Он умел видеть вещи неописанными, видеть их заново, а это необходимое, но очень редкое качество в искусстве. В России его называли —агличанином», но английская в нем была, пожалуй, только его трубка» [Там же, с. 137].

Почему «английская тема» стала постоянной в замятинском творчестве, становится отчасти понятным из уцелевших писем писателя, относящихся к июню 1916–1917 годов [2]. Молодой прозаик почувствовал одиночество от механического однообразия цивилизованного индустриального города, о чем записал 4 марта 1916 года: «В Нью-Кастле встретил меня русский инженер, с его помощью я все мытарства прошел очень удобно. Но сам Нью-Кастль – какой противный. Все улицы, все жилые дома – одинаковые, понимаете – совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александро-Невской лавры. Когда мы ехали мимо, я спросил: —Это у вас что за склады?» – —Это жилые дома.» На другой день оказалось возможным уехать в Лондон; езды часов шесть. И мимо мелькают все те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер. Ужас, какое отсутствие воображения. – В Лондоне сижу с субботы, ничего не делаю, хожу – глазею и делаю покупки» [Там же, т. 2, с. 142].

В письмах Замятин часто просит жену прислать произведения русской литературы. Его охватывает одиночество и уныние, которое он встретил в шумном Лондоне. Он иронизирует: «Какой чудный народ англичане: самое у них неприличное – оставить ложку в чае...» [Там же, с. 197].

О Нью-Кастле он пишет: «Город большой, но скучный непроходимо. Мало мне симпатичная русская публика, глупейшие театры – нечто вроде живого кинематографа, добродетельная английская публика. Тоска» [Там же, с. 198].

С юмором писатель рассказывает жене, что не может привыкнуть к английскому образу жизни, то есть к раннему вставанию и неуклонному преследованию режима: и прислуга «сперва пугалась: не умер ли», а затем привыкла [Там же, с. 202].

«Я живу безрадостно и безгорестно, и чувствую, что зацветаю плесенью, как летом стоячий пруд. Писать не могу», – констатирует он в письме к жене от 17 мая 1916 года из Нью-Кастля [Там же, с. 204].

В дальнейшем это душевное состояние вызовет к жизни повести «Островитяне» и «Ловец человеков», о чем он тоже напишет жене в июне 1916 года: «А говоря без шуток, пребывание в этаким Нью-Кастле действует вроде некой предварилки: от жестокого одиночества человек становится чувствительным. Подумать только: человек за 20 лет, далековато ушедший, ночью занимается мечтами, голубыми, розовыми и ярко-красными преимущественно – вместо того, чтобы мирно спать или реализовать размышления возможно скорее и проще. Куда лучше призвать этого корректнейшего и беспощаднейшего полисмена – рассудок» [Там же, с. 210].

«Голубые и розовые» войдут в пьесу «Общество почетных звонарей», переосмыслятся в повести «Островитяне» в «воскресных джентльменов». Хотя Замятин не отразил в сохранившихся письмах самого процесса работы над английскими повестями, но повторенное дважды определение себя как «вечного фантазера, вечно лезущего, как мой дьячок, в небо, которого нет» [Там же, с. 214], показывает, что глубокая неудовлетворенность окружавшим его «геометрическим городом», желание вырваться из сковывающего, «известкующего» механического рая, послужила толчком к созданию сатирического художественного мира «Островитян» и «Ловца человеков».

«Изо дня в день, из ночи в ночь – я тонул, тонул в тоске... я тушу, тушу в себе огонь...» – записал Замятин в Нью-Кастле 31 июля 1916 года [Там же, с. 215]. В это время он «переливал огонь» в строки рукописей своих произведений на английскую тему. Очевидно, сквозной мотив «дна», то есть восприятие Англии как океана, острова, погруженного на дно «бредового молочного-розового тумана», было настолько явственным, что перешло в образы вышеупомянутых его произведений, которые в новых вариантах возникнут в драматургии 1920-х годов (пьеса «Общество почетных звонарей» и сценарий «Подземелье Гунтона»).

Замятин с большим трудом вживался, находясь в Англии в «цивилизованный Запад». Этому способствовали и личные неурядицы, тяжелые припадки депрессии, вызванные кризисом в семейных отношениях. Образ Англии впитал в себя все эти субъективные факторы жизни писателя тех лет, но мрачное восприятие Запада как «пики цивилизации» и культуры, было, несомненно, глубже личных переживаний прозаика и обнаруживает общую мировидческую подоплеку: по нашему убеждению, писатель не видит особой разницы в духовном захождении «уездной России» и нивелировании духовности на Западе.

Правомерно высказывание немецкого исследователя творчества Замятина Р. Гольдта в том, что «нетрудно провести параллели английских городов с архитектурой «Единого государства» в романе «Мы», но это далеко не единственный —английский мотив», который наводит на мысль, что «Мы» равным образом направлен как против большевистского тоталитаризма, так и против западной механической и утилитарной культуры, которая для Замятина не менее чревата насилием, чем советская власть. Будучи уже в парижской эмиграции, Замятин подтвердил, что «этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — все равно какого» [Там же, с. 222].

Настойчиво подчеркнул эту же мысль Е. И. Замятин в интервью, данном известному французскому критику Фредерику Лефевру 23 марта 1932 года: «Я боюсь, что я неизлечимый еретик. В моём романе «Мы» близорукие критики увидели лишь политический памфлет. Это не совсем верно, ибо роман этот — тревожный сигнал, вызванный двойной опасностью, угрожающей человечеству: превышение власти машинами и превышение власти государством. Американцы видели в романе критику «фордизма»» [3].

Р. Гольдт справедливо отмечал, что русское восприятие Европы всегда отличалось своеобразием и выходило за рамки однозначного выбора между восхищением, подражанием и отрицанием: «Освоение нередко переходит в отстранение», вызывая самые фантастические толкования [1, с. 324]. Восприятие Замятинным «западной цивилизации», — именно так называл писатель западную культуру, неразрывно связано с философско-эстетическими взглядами художника.

В некрологе, посвященном Анатолю Франсу в 1924 году, он отмечал, что русская культура отчуждается «в неизвестное с того берега, который именуется европейской цивилизацией» [2, т. 1, с. 17].

Поразительно, что главным для Замятина было в западной культуре то, что писатель сам считал только «внешними формами» Англии цивилизаторской.

Р. Гольдт приходит к выводу, что «у Замятина конкретной критики конкретных явлений в Европе фактически нет. Почему? Замятин воспринимает западную действительность сквозь призму готовых литературно-философских моделей, в первую очередь, идей Ф. М. Достоевского. Следовательно, преобладает общее настроение упадка, на фоне которого реальность смывается и уступает место мифологизации. Замятин на Западе — это не аналитик, а Иов, удивляющийся вездесущему равнодушию к «дням скорби»» [1, с. 328].

Думается, что это подтверждается его письмом, отправленным своему издателю В. С. Миролубову от 20 декабря 1916 года: «Обрыдла мне заграница за этот год вот как — просто мочи моей нет. В январе-феврале думаю, вырвусь отсюда и домой вернусь, хоть мясопустную жизнь вести — да зато русскую. Изголодался я тут в Англии: мяса — сколько хочешь, а людей — мало. И все машины, уголь, копать, грохот... И все-то крутится и вертится, и всяк у своего колеса стоит, от колеса — ни на шаг. Так вот и я, в колесах с утра до ночи, весь год повертелся» [2, т. 1, с. 25].

Итак, Англия для писателя в этот период явилась одновременно и показателем общечеловеческого пути «к прогрессу», и символом всего не русского, европейского, подчеркивающим самость, особость русской души, и воплощением урбанистических тоталитарных тенденций, ведущих к нивелированию личности.

Список литературы

1. Замятин Е. И. Избранные произведения. М.: Сов. писатель, 1989. 767 с.
2. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Худож. Литература, 1990.
3. Замятин Е. И. Сочинения. М.: Книга, 1988. 575 с.
4. Замятин Е. И. Сочинения: в 4-х т. Мюнхен, 1988.

THE ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF YE. I. ZAMYATIN' WORKS ABOUT ENGLAND

Kopel'nik Vladislava Igorevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Evenko Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology

Glivenkova Olga Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Lyabina Olesya Gennadievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Tambov State Technical University

kopelnik99@mail.ru

The authors tell about the artistic and philosophical conception of the Russian writer Ye. I. Zamyatin. In his works English subject matter has taken root which allows us to understand the true ideals of the writer. It is possible to see a view of the Russian person which is sharp and accurate. Zamyatin's attitude towards England was complicated and ambiguous and had not only general philosophical but also a merely national interest. The requests about sending the Russian literature and complaints about loneliness abound.

Key words and phrases: world view; the English mode of life; ideally artistic specificity; artistic and philosophical conception.